

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

ГЕННАДИЙ СОРОКИН

Смерть
**СО ШКОЛЬНОЙ
СКАМЬИ**

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Художник Алексей Дурасов

Сорокин, Геннадий Геннадьевич.
С65   **Смерть со школьной скамьи / Геннадий
Сорокин. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.**

ISBN 978-5-04-107522-4

1983 год. Областной центр в Сибири. Начинающему оперу Андрею Лаптеву поручено расследовать убийство бывшей одноклассницы. На месте преступления сыщик находит шокирующую фотографию в стиле ню, на которой погибшая запечатлена в обнимку с... начальником Лаптева, большим милицейским чином. Оперу грозят крупные неприятности. В этот момент в поле зрения оперативника попадает обаятельная подпольная миллионерша, которая в свое время имела прямое отношение к организации досуга местной элиты...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-107522-4

© Сорокин Г. Г., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Глава 1

РАССТРЕЛ

Примерно в половине пятого утра дверь в камеру бесшумно открылась. На пороге стояли двое конвоиров с дубинками в руках.

«Началось! — подумал я. — Если они пришли под утро, то моя песенка спета. Ну и черт с ним! Конец так конец! Еще неизвестно, что лучше: мгновенная смерть или ежедневное ожидание смерти».

Тусклая лампочка под потолком мигнула и загорелась ярким светом. Оба! А я и не знал, что освещение в камере можно регулировать. Целый год я прожил впотьмах, а теперь светло стало, как в зале судебного заседания, где мне зачитывали смертный приговор.

— Ваши фамилия, имя, отчество? — сверяясь в карточке, спросил старший конвоир.

— Вы это у меня спрашиваете?

— Будешь умничать, применим силу, — угрожал второй конвоир, поигрывая дубинкой.

— Бить будете? Палками, как фашисты? — Поговорить, поговорить напоследок, это же счастье! Надо успеть выговориться, пока рот не заткнули. — Кстати, почему вас только двое? Я совершенно точно знаю, что в камеру к смертнику положено за-

ходить не менее чем вчетвером. Где еще двое? По дороге потерялись?

Вместо недостающих конвоиров в дверном проеме появился силуэт офицера в фуражке с высокой тульей. Ни лица его, ни звания я рассмотреть не мог — глаза еще не привыкли к перепаду освещения.

— Андрей Николаевич, — миролюбиво предложил офицер, — давайте не будем омрачать последние минуты нашего знакомства. Вы прекрасно знаете установленный порядок. Мы задаем вопросы — вы отвечаете.

— Какое знакомство? — возмутился я. — Я вас в первый раз вижу! Вы кто такой, главный клоун в местном балагане?

— Я — дежурный по следственному изолятору.

— Какая честь, черт побери! А почему повязки на рукаве нет? Вы, батенька, часом, не самозванец?

Один из конвоиров поудобнее перехватил рукоятку дубинки и двинулся ко мне.

— Стоп, стоп, стоп! Обойдемся без рукоприкладства. Мне куда руки, за спину или перед собой?

— За спину, конечно. — Дежурный по СИЗО был на удивление миролюбив. — Встаньте, пожалуйста, лицом к стене. Вот так, хорошо! — На моих запястьях с хрустом защелкнулись наручники. — Теперь повернитесь и назовите себя.

— Лаптев Андрей Николаевич, 1960 года рождения, до ареста работал инспектором уголовного розыска Заводского РОВД. Приговорен областным судом к высшей мере наказания за совершение преступления, предусмотренного пунктами «г» и «е»

статьи 102 УК РСФСР. Кстати, я не убивал эту бабу: ни с особой жестокостью, ни с целью облегчить совершение другого преступления.

— Андрей Николаевич, мы сейчас проводим вас к прокурору, вот ему все и расскажете.

— Ага, расскажу! На жизнь пожалею. Он послушает, послушает и выпустит меня. Так, что ли?

— Не знаю, я не прокурор.

Пока мы разговаривали, мое зрение восстановилось и я смог рассмотреть звездочки на погонах дежурного. Капитан. На вид лет тридцать. Малиновые петлицы с общевоинскими эмблемами. На груди пара значков за безупречную службу.

— У меня есть последняя просьба, — серьезно сказал я.

Офицер и конвоиры разочарованно переглянулись. По их лицам читалось: «И этот — как все! Сейчас сигарету кланчить начнет».

— У меня крыса в углу пол прогрызла. Отдайте ей мой завтрак.

— Поздно, Андрей Николаевич! — Офицер жестом велел конвоирам разойтись в стороны. — Вас уже исключили из списков на довольствие.

— Логично. Экономика должна быть экономной.

— Все готовы? — строго спросил дежурный. — Начали! Осужденный, вперед!

Я, гордо подняв голову, вышел из камеры.

О том, что ждет меня дальше, я знал еще со времен учебы в Омской высшей школе милиции. Естественно, в программе обучения не было семинарского занятия по теме «Приведение в исполнение высшей меры наказания». Но многие преподавате-

ли, отвечая на вопросы любопытных слушателей, частенько выходили за рамки учебной программы и делились с нами секретными или не подлежащими разглашению сведениями.

О расстреле, теме интригующей и закрытой, нам рассказал на третьем курсе преподаватель криминалистики майор Азаренко.

Как сейчас помню, в тот день стояла лютая стужа. За окном трещал сибирский мороз. Из плохо законопаченных окон в классе сквозило. Шел второй час семинарского занятия. Тема урока была пройдена, оценки выставлены. Пока преподаватель что-то заполнял в журнале, в классе разгорелся спор о том, как приводят в исполнение смертный приговор — у всех курсантов были свои версии процедуры расстрела. Азаренко, которому надоел шум в классе, призвал нас к порядку и, чтобы как-то заполнить оставшееся время, сам рассказал о расстреле.

— За осужденным к расстрелу приходят рано утром, когда человек находится в сонном состоянии. Конвоиров должно быть не менее четырех человек, все с дубинками. (Да, да, с настоящими дубинками, как у американских полицейских!) Если смертник начинает дергаться или буйствовать, то его без лишних рассуждений бьют по голове и, пока он пребывает в прострации, вытаскивают в коридор...

На наши вопросы, кто приводит приговор в исполнение и в каких именно тюрьмах страны расстреливают, Азаренко отвечать отказался. Мол, придет время, и сами узнаете.

После обеда, во время самоподготовки, прерванный спор разгорелся с новой силой. Обсуж-

дались два вопроса: кто и где? О месте расстрела быстро пришли к единому мнению — никаких специальных «расстрельных» тюрем не существует. Приговор приводят в исполнение в следственных изоляторах областных или краевых центров. А вот кто стреляет осужденных: штатный «палач» или дежурный офицер?

— Нет никакого палача, — высказал я свое мнение. — Представьте, что среди сотрудников СИЗО есть некий офицер или прапорщик, в обязанности которого входит расстреливать осужденных. Много он их в месяц кончает? Одно-двух, не больше. А чем он все остальное время занимается? Пистолет чистит? Справки о проделанной работе пишет? Ерунда все это! Стреляет кто-то из тюремщиков. За премию. Или по графику.

— А сколько премии дают? — заинтересовались курсанты. — Там подработать никак нельзя?

Шутка о подработке получилась не смешной. Среди нас были курсанты, которым родители не помогали материально, а на стипендию в сорок рублей восемьдесят копеек, даже живя на полном государственном обеспечении, особенно не пошукнешь. Поправить финансовое положение можно было только одним способом — втайне от начальства подрабатывать на стороне: мыть полы, разгружать вагоны. Тяжелый труд за мизерную зарплату. А тут... раз в месяц нажал на курок — и денег полный карман! Веселись, мужчина, и пусть совесть тебя не мучает: не ты, так другой!

— Я бы хоть сейчас за десятку шамальнул, — вполне серьезно сказал мой одноклассник Вова

Безбородов. Накануне он крупно проигрался в карты и теперь не знал, как рассчитаться с долгами.

— Да ну, — усомнились остальные, — дешево что-то за десятку. За полтинник или за сотку можно поработать, а за десятку — ни то ни се!

Всю остальную самоподготовку спорили о сумме вознаграждения. Сошлись на четвертном: ни много ни мало — в самый раз за одного приговоренного.

На выходе из камеры нас поджидали еще два конвоира. Бестолково потолкавшись в узком коридоре, мы выстроились «коробочкой»: два человека спереди, два сзади, я посередине. Зачем такие меры предосторожности, я так и не понял — идти предстояло всего лишь в соседнюю камеру, то есть метров пять по коридору. При всем желании никуда не сбежишь.

В помещении для приведения приговора в исполнение все было так, как рассказывал Азаренко: на бетонном полу опилки, окон нет, стены оштукатурены звукопоглощающим раствором «под шубу».

В левом углу камеры меня поджидали прокурор в штатском костюме, начальник СИЗО и тюремный врач в белом халате со стетоскопом на шее. Еще одного человека, того, кто выстрелит мне из пистолета в затылок, в помещении не было.

«Где же палач? — подумал я. — Не станет же начальник тюрьмы в меня стрелять. У него и оружия-то при себе нет. А может, приговор исполняет дежурный офицер?»

Конвоиры вывели меня на середину комнаты, заломив руки вверх, поставили на колени.

— Гражданин Лаптев, — сказал за моей спиной прокурор, — ваше прошение о помиловании было отклонено. Сейчас приговор областного суда будет приведен в исполнение.

«Как бы посмотреть, кто будет стрелять?» — подумал я. Клянусь, в этот момент меня больше ничего не интересовало. И страха смерти не было. Чего бояться-то? — раз! — и пуля разнесет затылок вдребезги — ни боли, ни мучений. Гуманизм. Обидно только, что убьют меня совершенно ни за что, за преступление, которого я не совершал.

— Василий Сергеевич, — судя по голосу, к начальнику тюрьмы обратился дежурный по следственному изолятору, — у нас небольшая заминочка вышла. Гладких заболел.

— Как заболел? — зашептались за моей спиной. — А кто сегодня *работать* будет?

— Пистолет у меня есть, — сказал офицер, — могу одолжить.

— Кому, мне, что ли? — зарычал начальник тюрьмы. — Ищите исполнителя!

— Товарищи, — голос прокурора показался мне знакомым, — товарищи, мы не можем откладывать исполнение приговора. Товарищи, нас накажут за нарушение графика!

— Бери да сам стреляй! — предложил начальник тюрьмы. — На мне китель новый, его потом ни в одной химчистке от крови не отстираешь.

— Михаил Петрович! — я вспомнил, как зовут прокурора. — Не бери пистолет. У тебя кишка тон-

ка в живого человека стрелять. Я ведь потом тебе по ночам снится буду, с ума сойдешь, сопьешься в расцвете лет.

— Лаптев, заткнись, сволочь! — закричал начальник тюрьмы.

— Сам заткнись! — огрызнулся я. — Ничего организовать не можешь!

Начавшуюся словесную перепалку прервал еще один знакомый голос:

— Не спорьте, я его кончу!

— Нет! — завопил я и попытался встать на ноги. — Нет, только не Николаенко! Только не он! Я на вас, сволочи, жаловаться буду! Я Андропову письмо...

Но Николаенко не дал мне договорить. Ловким движением он набросил мне на шею удавку и стал затягивать петлю. Из последних сил я попытался зубами подцепить веревку, стал задыхаться, захрипел, судорожно вздохнул... и проснулся.

Глава 2

ХЛЕБОКОМБИНАТ

В комнате было холодно. Отопление отключили еще неделю назад, когда на улице установилась не по-весеннему теплая погода. Но, как это часто бывает в Сибири в конце апреля, погожие солнечные деньки сменились дождями со снегом, и в жилых домах стало так же «уютно», как у полярника Папанина на дрейфующей льдине.

Не вставая с кровати, я нашарил на прикроват-

ной табуретке сигареты, закурил. Будильник на подоконнике показывал шесть утра. Подумать только, еще час, целый час самого ценного на свете утреннего времени я мог бы безмятежно спать, но из-за проклятых кошмаров уже в который раз просыпаюсь в мокрой от пота постели и, лупая глазами в потолок, пытаюсь понять, что бы эти сны значили? И при чем здесь Николаенко, с которым я лично ни разу в жизни не общался? Должна же быть какая-то связь между событиями в окружающем мире и снами. Вот как-то в детстве я ошпарил кипятком руку, больно было, словами не описать как, и по ночам эта боль продолжала преследовать меня — снилось, что огромная лохматая собака рвет клыками мясо с обожженного места. Тут все понятно и логично: было больно наяву — стало больно во сне. А сегодня с чего бы это расстрел приснился, с того, что в комнате холодно?

За окном, шурша электрическим мотором, открылись центральные ворота. Со скрежетом переключив скорость, с территории комбината выехала хлебовозка, повезла по магазинам утреннюю выпечку хлеба. Пора вставать, все равно уже больше не усну.

Первый сон, связанный с Николаенко, был в начале марта. События в нем начинались с моего ареста в лесу у растерзанного женского трупа. Во втором и третьем снах меня допрашивали прокуроры и следователи. Я, как мог, доказывал им свою невиновность, но в самом конце появлялся Николаенко и торжественно предъявлял неопровержимые доказательства моей причастности к убийству.

«Сколько ты уже сидишь в тюрьме? — спрашивал Николаенко. — Месяц? Посмотрите все на его руки, с них до сих пор кровь капает!»

Кошмары, черт бы их побрал! От них не спрятаться, не скрыться. Что будет в следующем сне? Судя по хронологии, мне предстоит путешествие в ад, где Сатана-Николаенко живьем сдерет с меня кожу.

Затушив сигарету, я надел домашнее трико, отыскал в тумбочке полотенце и пошел в умывальник.

Наше заводское общежитие было построено в конце шестидесятых годов. Первый этаж в нем занимали управление хлебокомбината и проходная на территорию завода. Два верхних этажа были жилыми, на каждом по 24 комнаты, разделенные сквозным коридором. В противоположной от основного лестничного марша стороне коридора располагались бытовые помещения и туалеты, совмещенные с умывальниками. На моем, третьем, этаже был мужской туалет, на втором — женский. С левой стороны общежития, окнами на завод, в отдельных комнатах жили семейные работники хлебокомбината, матери-одиночки и всякого рода «пришлые» и «блатные», получившие жилье по разрядке райисполкома и к заводу отношения не имевшие. По местной квалификации я, сотрудник милиции, был «пришлым», а Горелова Зинаида, незамужняя сорокапятилетняя кладовщица с промтоварной базы, — «блатной». Правая сторона общежития была предоставлена холостякам и незамужним женщинам, ютившимся по 4—5—6 человек в комнате. Примерно треть из них была «пришлыми». «Блатных», естественно, не было.

В коридоре, по пути в туалет, мне встретился вечно мрачный грузчик Бобров, возвращающийся на свой этаж.

— Всем хороша советская власть — жаль, живет долго! — злобно выругался он вместо приветствия.

— Случилось, что ли, чего? — насторожившись, спросил я.

— Сейчас в туалет зайдешь — сам все увидишь! — Грузчик развернулся в сторону бытовых помещений и погрозил кому-то неведомому кулаком: — Дождетесь, твари, устроим вам бучу, как в Польше!

Стараясь соблюдать меры разумной предосторожности (мало ли чего могло за ночь случиться), я заглянул в умывальник. Никого. Привычный порядок не нарушен, если не считать выбитого стекла на внутренней раме. Окно расколошматили еще в прошлые выходные, когда подвыпившая молодежь выясняла отношения из-за Маринки с двадцатой комнаты. Дерущихся, как водится, быстро разняли, а раму застеклить не могут до сих пор. Некому. Заводской плотник в отпуске.

Осмотрев туалет и ничего подозрительного не обнаружив, я открыл краны в умывальнике. Вот оно что! Вот где причина праведного гнева грузчика Боброва — горячая вода в кране отсутствовала. Это надо ж так издеваться над людьми: на улице холодище, отопление отключили, да еще и горячей воды нет! Из нас что, моржей хотят сделать? Прав, прав потомственный пролетарий Бобров — достал уже бардак, пора в стране что-то менять. Для начала можно арестовать и посадить на десять лет ответственного